

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Сравнительный анализ интеграционных инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии

Бехруз Самадович САИДОВ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, saidov.mts.tj@gmail.com

Аннотация. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что после распада СССР со стороны Москвы многократно осуществлялись попытки создания на постсоветском пространстве интегрированного политического и экономического объединения. Однако в первом десятилетии XXI в. ни одно из этих усилий не было воплощено в действительность, а формирование ЕАЭС рассматривается как шаг к более эффективному экономическому росту и успеху среди отдельных постсоветских инициатив. Путь от Таможенного союза к Единому экономическому пространству, а оттуда к Общему рынку представляется не только логичным, но и реальным. По вопросу военно-политического взаимодействия следует признать тот факт, что на постсоветском пространстве не существует альтернативного варианта по образцу ОДКБ. Она является единственной структурой, которая формирует архитектуру безопасности в зоне своей ответственности и обеспечивает безопасность и стабильность стран-участниц от внешних и внутренних вызовов и угроз современности. Пекин, в свою очередь, сделал значительный прогресс в своих дипломатических контактах с центрально-азиатскими государствами, создав два основных институциональных столпа – ШОС и глобальную инициативу "ЭПШП". Данные два инструмента стали фундаментальной основой, улучшившей внешнеполитическое и внешнеэкономическое позиционирование Китая в центрально-азиатском направлении.

Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, ЕАЭС, ЭПШП, ОДКБ, ШОС

Для цитирования: Саидов Б. С. Сравнительный анализ интеграционных инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 137–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Comparative analysis of integration initiatives and projects of Russia and China in Central Asia

Behruz S. SAIDOV

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, saidov.mts.tj@gmail.com

Abstract. Based on the analysis, the author concludes that after the collapse of the USSR, Moscow made numerous attempts to create an integrated political and economic union in the post-Soviet space. However, in the first decade of the 21st century, none of these efforts was realized in reality, and the formation of the EAEU is seen as a step towards more effective economic growth and success compared to other post-Soviet initiatives. The path from the Customs Union to the Common Economic Space and from there to the Common Market appears not only logical but also realistic. In terms of military-political cooperation, it is recognized that there is no alternative to the CSTO in the post-Soviet space. It is the only structure that shapes the security architecture in its area of responsibility and ensures the security and stability of member countries against external and internal challenges and threats in the modern world. On the other hand, Beijing has made significant progress in its diplomatic contacts with the Central Asian states by establishing two major institutional pillars – the SCO and the global initiative BRI. These two instruments have become the fundamental basis that has improved China's foreign policy and external economic positioning in the Central Asian direction.

Keywords: Russia, China, Central Asia, EAEU, BRI, CSTO, SCO

For citation: Saidov B. S. Comparative analysis of integration initiatives and projects of Russia and China in Central Asia // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 137–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Анализ экономических инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии

За последние три десятилетия после распада Советского Союза многократно осуществлялись попытки создания на постсоветском пространстве интегрированного политического и экономического объединения. Однако в первом десятилетии XXI в. ни одно из этих усилий не было воплощено в действительность. В настоящее время реализация данной цели связана с дальнейшим развитием евразийского сообщества государств, сложившегося на основе Евразийского Экономического Союза и Организации Договора о коллективной безопасности.

ЕАЭС отличается от прежних экономических интеграционных проектов постсоветского пространства тем, что он опирается на обширную проработанную и эффективно действующую нормативно-правовую базу, состоит из выработанной и сформулированной единой политики тарифно-таможенного регулирования. Однако наличие нормативно-правовой основы предусматривает принятие со стороны новых членов весь пакет обязательств по действующим соглашениям, что в значительной степени повышает критерии вступления новых участников в интеграционное объединение.

Одной из таких острых проблем является присоединение стран-членов Всемирной торговой организации в состав Евразийского экономического союза. Данная проблема обусловлена различиями в правовых и экономических системах этих двух организаций. ВТО, с одной стороны, является международной организацией, которая регулирует международную торговлю и имеет свои правила и процедуры. Таможенный союз ЕАЭС, с другой стороны, является региональным экономическим интеграционным объединением, которое также обладает своим регламентом.

В связи с этим присоединение к ЕАЭС может потребовать от стран-членов ВТО изменения их законодательства и экономической политики, что предполагает сложный и длительный процесс. Кроме того, вступление новых стран в интеграционное объединение требует существенного увеличения импортных тарифов либо выхода из состава международной организации. Начавшиеся в 2013 году переговоры о присоединении Армении, а затем Кыргызстана ускорили принятие политических решений в этом направлении. Так, в соответствии со статьей 42.6 договора о Евразийском Экономическом Союзе новым странам, вступающим в объединение, позволяется "применять ставки ввозных таможенных пошлин, отличные от ставок Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза" [7]. Однако на практике такое решение отрицательно влияет на дальнейшее развитие интеграционного объединения, приводит к постепенному ослаблению таможенного союза и сведения на нет главного превосходства ЕАЭС [8].

Опыт регионального и межрегионального взаимодействия на пространстве Содружества независимых государств показывает существование определенных препятствий на пути к интеграционным объединениям. Так, история взаимоотношений стран региона свидетельствует о том, что здесь не был успешно реализован ни один интеграционный проект. Эксперты связывают будущую судьбу консолидации данного пространства с дальнейшим развитием Евразийского Экономического Союза. Однако и этому союзу предстоит продемонстрировать свою устойчивость и эффективность в нынешней непредсказуемой и быстро меняющейся обстановке мирового порядка.

Вместе с тем причины недостаточного функционирования и жизнеспособности интеграционных проектов на постсоветском пространстве просматриваются в низкой политической воле или незаинтересованности руководителей стран, отсутствием желания идти на компромисс, недостаточном всестороннем анализе существующих проблем, поиска альтернативных путей их решения и в какой-то степени не учете интересов сторон.

Другим фактором, тормозящим процесс интеграции стран Центральной Азии в рамках ЕАЭС, эксперты называют объективную доминирующую роль России на евразийском пространстве и ее стремление сохранить себя в этой позиции. Если

Европейский союз был образован на фоне существования в нем нескольких региональных держав: Германии, Франции, Великобритании – что создавало для малых стран интеграционного объединения возможность взаимодействия друг с другом, не порождая в них опасений о том, что они являются объектом, а не субъектом региональной подсистемы какой-то державы, то на пространстве СНГ, особенно в регионе Центральной Азии, ситуация выглядит несколько иначе. Главенствующая роль России в качестве единственной державы в рамках интеграционного объединения вынуждает страны региона расширить круг своих внешних контактов во избежание привязанности к ней. В связи с чем они в своих внешнеполитических стратегиях придерживаются "многовекторной политики" под разными названиями и пытаются реализовать ее методами маневрирования и балансирования между центрами силами, что, по определению А.Д. Богатурова, считается "отложенным нейтралитетом" [2].

Кроме того, препятствие на пути к решению интеграционных задач и использованию европейского опыта на постсоветском пространстве состоит в том, что в регионе наблюдается существенный разрыв в уровнях экономического развития. Большинство экономик стран региона являются аграрно-индустриальными, а не индустриально-аграрными. По данным 2021 года, можно увидеть, что уровень ВВП на д.н. в разных странах СНГ существенно дифференцируется. Например, Россия имеет один из самых высоких уровней ВВП на душу населения в СНГ – 11 523 долл. США, в то время как Таджикистан имеет один из самых низких – 1209 долл. США [25].

Препятствуют развитию интеграции и усилия по имплементации существующих проектов быстрыми темпами, перепрыгнув через установленные экономической наукой стадии формирования единого экономического пространства, не осуществив целиком и полностью predetermined задачи предыдущих этапов, аналогичным образом и намерение в короткие сроки укрепить экономическую интеграцию путём образования политических союзов, а также стремление в сжатые сроки увеличить масштаб и состав интеграционного объединения. Отрицательный исход такого рода политического курса можно проследить на примере сначала Экономического союза стран СНГ, а затем и на примере ЕврАзЭ. В настоящее время с подобными опасностями сталкивается будущее развитие и функционирование Евразийского Экономического Союза.

В качестве барьеров на пути к подлинной интеграции также лежат ограниченность рынка, несогласованность законодательства, недостаток доверия и неэффективность институтов. Так, практика показывает, что рынок ЕАЭС ограничен по сравнению с другими мировыми рынками, а это сдерживает возможности экспорта и инвестиций в странах объединения. Между тем различия в законодательстве создают препятствия для свободного перемещения товаров, услуг и капитала между странами-членами. Наибольшее значение имеет и тот факт, что некоторые страны-члены ЕАЭС имеют недостаток доверия друг к другу, что затрудняет принятие общих решений, а институты ЕАЭС, в свою очередь, не всегда эффективны в решении проблем и координации действий между странами-членами.

Вместе с тем Россия и разработанные ею региональные подсистемные проекты ныне являются исключительными инициативами региональной консолидации и притяжения для многих постсоветских стран. Так, Россия, Украина, Молдова и государства Южного Кавказа являются членами Организации Черноморского экономического сотрудничества. Страны Центрально-азиатского региона вместе с Азербайджаном, Турцией, Ираном и Пакистаном входят в Организацию экономического сотрудничества. Помимо этого, они являются постоянными членами Организации исламского сотрудничества. Тюркоязычные страны Центральной Азии: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Узбекистан – также входят в состав турецкого проекта Организация тюркских государств. В то же время государства региона Центральной Азии благодаря географическому расположению, культурно-политическим особенностям и уровню экономического роста ближе к региону "Большой Центральной Азии" и находятся в зоне внешнеполитических приорите-

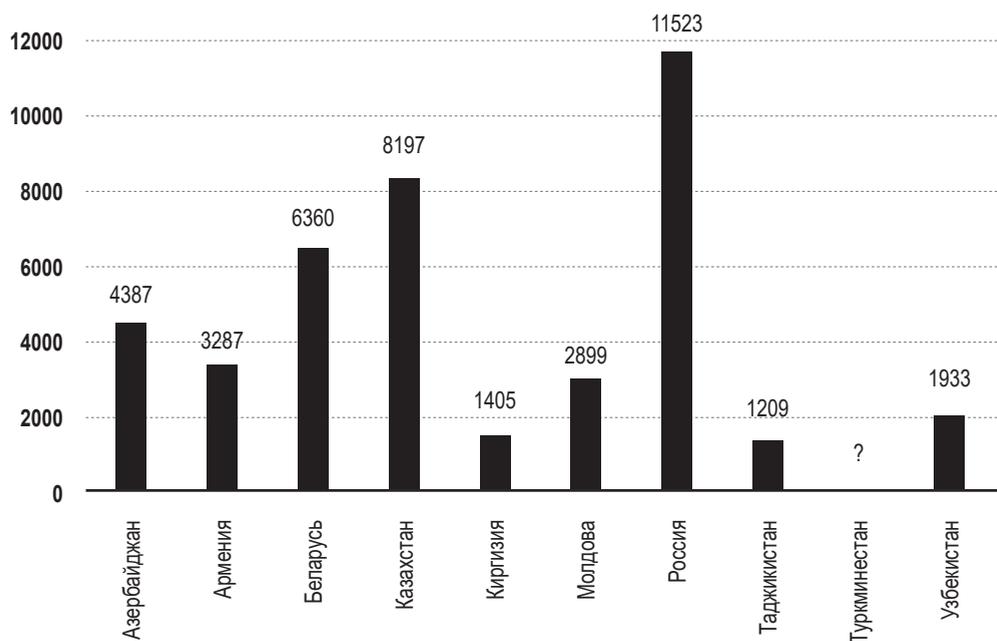

Рис. 1. ВВП на душу населения в странах СНГ за 2021 г., в долл. США.

Источник: [25].

Fig. 1. GDP per capita in the CIS countries for 2021, in US dollars.

Source: [25].

тов Китая, который продвигает свою новую концепцию Шелкового пути "Пояс и путь" [8].

Таким образом, пространство СНГ до сих пор в определенной степени является фрагментированным. Страны Центральной Азии преимущественно проводят "многовекторную политику", сотрудничая как с региональными, так и внерегиональными центробежными силами. Проблемы, с которыми сталкиваются страны региона в процессе формирования интеграционного объединения, имеют объективно-структурные мотивы политического и экономического характера, к числу которых можно отнести серьезную раздробленность постсоветского пространства, значительное расхождение стран региона по экономическим показателям, недостаточные экономические предпосылки для интеграции и т.п.

Однако в целом ЕАЭС может предоставить возможности для укрепления экономических связей между странами-членами, улучшения инфраструктуры и облегчения торговли. Также объединение может стать платформой для сотрудничества в области научных исследований и технологического развития.

Существенную активность Китай проявляет на центрально-азиатском направлении в экономической области. В первую очередь это ощутимо в рамках инициативы "Экономического пояса Шелкового пути", посредством которого Пекин пытается создать на Евразийском материке крупную международно-экономическую систему взаимодействия, которая предусматривает реализацию всего объема китайских внешнеполитических и внешнеэкономических инструментов и механизмов сотрудничества, от создания транспортно-логистических до гуманитарно-туристических.

Вместе с тем "Экономический пояс Шелкового пути" направлен не только исключительно на выстраивание плодотворных отношений со странами Центральной Азии и Россией, но также и на взаимоприспособление европейских интересов в рамках китайского проекта. Европейский союз, в свою очередь, поддерживает

инициативу "Шелкового пути", рассматривает в нем возможность углубленной экономической интеграцией с Китаем.

Географический охват проекта "Шелкового пути" масштабен: его сухопутная часть берет начало в Китае и охватывает страны Центральной Азии, Ближнего Востока, Западную Азию, Кавказ, Восточную Европу и Россию, а китайским Евразийским трансконтинентальным магистральным планом предусмотрены три маршрута прохождения ЭПШП: северный, центральный и южный. За исключением пакистанской части южного маршрута все страны Центральной Азии попадают в зону прохождения китайских трансконтинентальных магистралей [3].

Запуск данных маршрутов для Китая может стать важным шагом в улучшении транспортной инфраструктуры и снижении затрат на транспортировку товаров. Это позволит повысить конкурентоспособность китайских товаров на мировых рынках, а также разнообразить каналы поставок и развить приграничные районы [23].

"Пояс и путь" как новый этап политики открытости призван перейти от импорта инвестиций и капитала к их экспорту, став субъектом, а не объектом глобальной экономики. "Фабрика мира" становится глобальной, и в этом смысле данная инициатива является полноценным "локомотивом" для включения развивающихся стран в международное разделение труда и его преобразования.

Тем не менее проект китайского трансконтинентального железнодорожного моста еще не имеет конкретного плана действий, требуется дополнительное изучение и разработка, чтобы определить, как его реализовать. Ни в известной речи главы Китая, произнесенной на саммите в г. Астана [15], ни в дорожной карте проекта конкретно не прописаны планы действий и последовательность этапов достижения поставленных целей, обозначены только те направления, по которым осуществляется процесс его создания, что осложняет процесс анализа прозрачности и прогрессивности этой инициативы [1]. Однако для реализации стратегии ЭПШП Китай привлекает огромные средства. Так, на строительство инфраструктурных проектов в 60 странах Пекин планирует выделить более 1 трлн. долл., при этом, по различным оценкам экспертов, бюджет данной инициативы варьируется от 4 до 8 трлн. долл. [24].

Страны Центральной Азии видят в проекте "Шелкового пути" возможность укрепления экономических связей с Китаем и другими странами региона, а Китай видит в них ключевых партнеров, через территории которых проходит транспортная и коммуникационная инфраструктура, соединяющая Китай с Евразией и Африкой. Вместе с тем страны региона рассматривают в проекте возможность получения финансирования для реализации своих инфраструктурных проектов, расширения экспорта своих товаров и услуг, а также надеются на укрепление своей геополитической позиции и привлечение новых инвестиций.

Как упоминалось ранее, инициатива "Пояс и путь" не имеет формализованной институциональной структуры, а скорее представляет собой совокупность проектов, инициатив и предложений, которые можно рассматривать как бренд внешней политики Китая. Однако неясно, как эта стратегия может быть сопряжена с Евразийским Экономическим Союзом, который имеет четко определенную правовую структуру и жесткие нормы взаимодействия между государствами-членами. Вероятно, будет наблюдаться разнонаправленные тенденции, результаты которых пока неизвестны. Тем не менее на практике уже наблюдаются элементы выстраивания на двусторонней основе отношений Китая с государствами, входящими в состав ЕАЭС, что может поставить под угрозу целостность и внутреннюю солидарность интеграционного объединения. Сегодня уже в некоторых странах объединения прослеживаются критика и недовольство касательно деятельности союза. Россия – ядро интеграционного объединения, – находясь под санкциями западных стран и их сателлитов, а также в условиях падения мировых цен на нефть с 2022 г., имеет меньше возможностей для проведения в Центральной Азии активной экономической политики. Китай, наоборот, проводит интенсивную внешнеэкономическую политику.

ческую деятельность, наращивая свой инвестиционный и кредитный потенциал в регионе.

С одной стороны, реализация экономического проекта "Шелкового пути" может поспособствовать развитию торговых отношений между странами, что может привести к увеличению объемов экспорта и импорта товаров и услуг, укрепить экономические связи между странами и содействовать более глубокому взаимопониманию, создать новые рабочие места в различных секторах экономики, окажет содействие развитию инфраструктуры в регионах, через которые пройдет "Шелковый путь", что в результате приведет к улучшению условий жизни местных жителей. С другой стороны, он не лишен и недостатков. Нарастает острая критика в адрес проекта, которая включает в себя увеличение долговой нагрузки на страны-участницы, неравные условия участия, недостаточная прозрачность, несоответствие стандартам, усиление конкуренции и риски валютных колебаний. Так, эксперты высказывают опасения, что инвестиции Китая в Центральную Азию могут привести к долговой зависимости этих стран от него. Некоторые страны, например, Таджикистан, уже столкнулись с проблемами возврата кредитов, выданных Китаем на строительство инфраструктуры. Однако другие эксперты считают, что проект "Пояс и путь" может принести значительную выгоду всем участникам, так как новая инфраструктура может способствовать развитию экономики и торговли в регионе, а также повысить уровень жизни населения. Тем не менее следует иметь в виду, что проект занимает особое место во внешней политике Китая и может иметь значительное отрицательное воздействие на экономику и политику стран Центральной Азии, поэтому государствам региона необходимо учитывать потенциальные риски и балансировать между экономической выгодой и долговой нагрузкой.

Таким образом, провозглашённая Китаем международная инициатива "Пояс и путь", особенно ее сухопутная часть – "Экономический пояс Шелкового пути", призвана стать наиболее очевидным воплощением усилий Китая по укреплению своего присутствия на Евразийском материке, в частности в его Центрально-азиатском регионе.

Ключевой вопрос, который остро обсуждается как российскими, так и китайскими экспертами, состоит в том, насколько иницилируемая Россией региональная подсистема, ядром которой является ЕАЭС, сочетается с китайским глобальным проектом ЭПШП. Они допускают возможности различия и нестыковок, а другие видят в них основу для дальнейшего взаимодействия и создания новых благоприятных условий для развития российско-китайского партнерства в регионе Центральной Азии.

Вопрос о взаимоотношении и сосуществовании российского и китайского проектов в одном пространстве зависит от двух факторов: от непосредственных отношений Китая и России и взаимоотношений стран-членов ЕАЭС с Китаем. Китай рассматривается Россией как надежный союзник, и на современном этапе развития российско-китайские связи характеризуются как отношения "всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия". Однако продвигаемая Китаем инициатива Экономического пояса "Шелкового пути" воспринимается Россией в качестве акта вмешательства в орбиту ее внешнеполитических приоритетов. Причины для беспокойства относительно расширения присутствия Китая в регионе Центральной Азии весьма ощутимы, по крайней мере ввиду того, что для политической элиты стран региона китайская "инвестиционная политика" привлекательнее, чем любые финансируемые проекты в рамках ЕАЭС [18].

Кроме того, интеграционные проекты Евразийского Экономического Союза и Экономического пояса Шелкового пути являются ассиметричными, также их участники имеют разную степень экономического развития и разные интересы в рамках проектов. Например, в ЕАЭС Россия является крупнейшей экономикой, а другие страны (Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия) имеют более низкий уровень развития. В случае ЭПШП Китай является крупнейшей экономикой и главным инициатором проекта, в то время как другие страны (в том числе Россия) имеют

Рис. 2. Китайская Евразийская трансконтинентальная магистраль.

Источник: [4].

Fig. 2. The Chinese Eurasian Transcontinental Highway.

Source: [4].

более скромные экономические возможности и меньшее влияние на проект. Такая асимметрия может привести к неравномерному распределению выгод и рисков между участниками проектов. Кроме того, ЕАЭС является межгосударственной структурой, цель которого направлена на формирование устойчивого регионального экономического межправительственного объединения с участием стран постсоветского пространства. Его задачами являются поддержание стабильного экономического роста, совершенствование и повышение конкурентоспособности национальных экономик участников интеграционного объединения. Китайская инициатива Экономический пояс "Шелкового пути", в свою очередь, ориентирована на вовлечение как стран, так и субъектов многостороннего сотрудничества. Естественным основополагающим звеном взаимовыгодного сотрудничества России и Китая является только продвижение и совершенствование северной части Северного маршрута, соединяющей Китай и Европейский Союз через территорию региона Центральной Азии и России.

Другие эксперты полагают, что реализация ЭПШП и процесс становления ЕАЭС как региональной экономической интеграционной структуры на постсоветском пространстве не только не мешают сосуществованию и функционированию друг другу, но вместе с тем могут взаимодополнять деятельность друг друга. Так, в 2015 году эти две страны ратифицировали "Совместное заявление о сотрудничестве в области сопряжения проектов по строительству Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути" [19]. В рамках этого соглашения были определены приоритетные направления совместных усилий, включая создание механизмов для упрощения торговли в тех сферах, где это возможно, разработку совместных шагов по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов. Поэтому китайский проект не является альтернативой Евразийскому союзу, и многие страны региона могут одновременно участвовать в нескольких региональных экономических проектах. Российская и китайская сторона стремятся осуществлять как свои национальные, так и свои

геополитические интересы в возникшей обстановке, вести новую игру с положительной суммой.

Таким образом, сегодня на территории Большой Евразии, которая включает в себя и Западную Европу, существуют три интеграционных мегапроекта различной степени зрелости: Европейский союз, Евразийский Экономический Союз и Экономический пояс "Шелкового пути". Эксперты обсуждают возможность сопряжения этого "треугольника", потенциальные возникающие сложности и перспективы их взаимоотношения на этом пути. Совмещение всех трех проектов может столкнуться с рядом препятствий. Например, Европейский союз и Евразийский экономический союз являются конкурентами на рынке торговли и инвестиций, а также имеют различные правовые и экономические стандарты. Китайский проект "Шелкового пути" также может вызвать опасения у других стран, так как он может привести к доминированию Китая в регионе и созданию зависимости от него.

Кроме того, каждый из этих проектов имеет свои особенности и цели. Например, Евразийский экономический союз создан для укрепления экономической интеграции между странами бывшего СССР, в то время как "Шелковый путь" направлен на расширение китайского экономического и политического преобладания в регионе.

Тем не менее возможно, что сотрудничество между этими проектами может привести к созданию более широкой интеграционной сети в Большой Евразии. Это может быть достигнуто путем установления общих правил и стандартов, а также создания согласованных механизмов для решения конфликтов и координации действий.

В целом совмещение трех интеграционных проектов в Большой Евразии может стать важным шагом в направлении создания более устойчивой и процветающей региональной и мировой экономики. Однако для этого необходимо преодолеть множество сложностей и наладить эффективное сотрудничество между всеми участниками проекта.

Вместе с тем сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что китайское руководство не только не откажется от инициативы строительства новых транспортных коридоров, но и активизирует свои усилия в этом плане. Пекин будет активно продвигать свою стратегию региональной и глобальной интеграции. Углубляя сотрудничество со странами Центральной Азии, Китай в дополнение к экономическим и геополитическим целям предпринимает меры для создания стабильной международной среды в данном регионе.

Анализ военно-политических инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии

За годы независимости стран Центральной Азии в регионе сложилась уникальная система региональной безопасности, составной частью которой выступают Организация Договора о коллективной безопасности [16] и Шанхайская организация сотрудничества [14], целями которых является предотвращение внешней агрессии, поддержание мира и стабильности в зонах своей ответственности.

Мнения экспертов относительно эффективности деятельности Организации Договора о коллективной безопасности на постсоветском пространстве различаются. Первая группа экспертов полагает, что после распада Советского Союза и образования Содружества независимых государств [13] на постсоветском пространстве не существует альтернативного варианта военно-политической организации по образцу Организации Договора о коллективной безопасности. Она является единственной структурой, которая формирует архитектуру безопасности в зоне своей ответственности и обеспечивает безопасность и стабильность стран-участниц от внешних и внутренних вызовов и угроз современности [22]. Вместе с тем организация является уникальной площадкой для обмена мнениями и идеями, обсуждения тематики координации военно-политических вопросов и проведения военных учений, что обуславливает повышение уровня доверия, согласование подходов по широкому спектру международных региональных вопро-

сов, а также углублению и укреплению отношений между странами-участниками организации [9].

Другие эксперты считают, что в силу того факта, что Узбекистан и Туркменистан не входят в состав организации, она не может в полной мере реагировать на вызовы и угрозы современности и обеспечить безопасность и стабильность в Центральной Азии. Помимо этого, они подчеркивают, что зачастую интересы государств-членов не совпадают и большинство решений, принятых по линии военно-политической организации, остаются на бумаге и фактически не реализуются, что сдерживает ее возможности в урегулировании конфликтов в зоне своей ответственности. Более того, безопасности евразийского пространства в том виде, о котором мы говорим, не существует – она фрагментирована, противоречива, непоследовательна и полна конкуренции внутри себя [12]. Подтверждением сказанного, является факт наличия в рамках организации трех отличных друг от друга регионов коллективной безопасности: Восточно-европейский, Кавказский и Центрально-Азиатский. Каждый из этих регионов обладает своими специфическими свойствами, а также проблемами, решение которых трудно достижимо. Например, восточно-европейскому региону присущи высокий уровень экономического развития и стабильность политических систем, кавказскому региону характерна конфликтность вокруг Нагорного Карабаха, центрально-азиатскому региону типична неустойчивость политических режимов и высокая степень вызовов и угроз, исходящих со стороны его южных рубежей.

В тоже время организация прилагает усилия, направленные на изменение своего статуса на международной арене, т.е. становления в качестве не просто региональной структуры, а полноценной международной военно-политической организации. Изменение статуса имеет ряд негативных последствий. Так, такого рода трансформации могут привести к потере статуса организации, отвечающей на региональные вызовы и утрате эффективности деятельности. С другой стороны, это может восприниматься западными странами как противовес Североатлантическому альянсу и потенциальная угрозой их безопасности.

Конфликт в Нагорном Карабахе показал, что в ОДКБ отсутствуют единая точка зрения по вопросу об обеспечении региональной безопасности, комплексный подход к военному сотрудничеству, единая стратегия по решению внешнеполитических вопросов, механизм для урегулирования конфликтов между странами-членами. Государства-участники придерживаются различных интересов и приоритетов, что в конечном счете имеет негативные последствия для деятельности организации. Кроме того, другим препятствием в работе организации считается наличие различных взглядов на определение иерархии вызовов и угроз национальной безопасности со стороны членов военно-политического союза.

Наряду с этим, деятельность объединения ориентирована преимущественно на противодействие внешним угрозам, а о потенциальных внутрирегиональных опасностях предпочитают не говорить, считая данные вопросы внутренним делом каждого государства. Тем не менее надо учесть тот факт, что внутренние вызовы и угрозы могут носить международный характер, поэтому без разработки надлежащих мер по их предупреждению и предотвращению организация не сможет обеспечить безопасность и стабильность в зоне своей ответственности.

Боле того, у государств-членов нет единой политики в области военно-технического взаимодействия. Например, сотрудничество в этой сфере осуществляется на двусторонней основе – страны Центральной Азии получают военную технику от России на льготных условиях, в то же время закупают их у третьих стран, в частности у Турции и США. Такая деятельность приводит к хаотизации обстановки и трудностям, связанным с отслеживанием транспортировки результатов производства военного назначения в регион. Аналогичным образом обстоит ситуация с подготовкой кадров военного назначения, так, несмотря на ратификацию соглашения об их обучении на базе российских учебных заведений, наблюдается динамика их специализации в западных, китайских и индийских военных учреждениях.

Однако самое серьезное препятствие на пути к достижению поставленных организацией задач является восприятие военно-политического блока странами-членами как структуры, непосредственно функционирующей в интересах России. Страны постсоветского пространства, особенно Центральной Азии, полагают, что повышение роли Организация Договора о коллективной безопасности приведет к усилению российских позиций в регионе, следовательно, и в зоне ответственности организации на центрально-азиатском векторе. Поэтому они участвуют в различных проектах и инициативах, выдвигаемых Турцией (Организация тюркских государств), Китаем (Шанхайская организация сотрудничества), Саудовской Аравией (Организация исламского сотрудничества) и др., пытаясь сохранить "баланс сил" в регионе.

Таким образом, Россия стремится поддержать безопасность и стабильность в регионе, в то же время сталкиваясь с проблемой снижения своей привлекательности в регионе. Помимо этого, ОДКБ воспринимается странами Центральной Азии в качестве инструмента военно-политического присутствия Москвы в регионе [21]. Однако следует признать тот факт, что на постсоветском пространстве не существует альтернативного варианта военно-политической организации по образцу ОДКБ. Она является единственной структурой, которая формирует архитектуру безопасности в зоне своей ответственности и обеспечивает безопасность и стабильность стран-участниц от внешних и внутренних вызовов и угроз современности.

Вместе с тем в Центральной Азии функционируют две межгосударственные структуры, ориентированные на поддержание мира и стабильности в регионе, каждая из которых имеет свое ядро: Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества [17]. Обе организации представляются, пожалуй, не конкурирующими, а взаимодополняющими и выступают в качестве системообразующего элемента в формировании системы региональной безопасности в Центральной Азии. Организация Договора о коллективной безопасности сфокусирована на защиту своих членов от внешних угроз и имеет оборонительный характер, в то время как Шанхайская организация сотрудничества нацелена на борьбу с внутрирегиональными вызовами и пытается преобразоваться в военно-политический союз.

Эксперты полагают, что ШОС является основным внешнеполитическим механизмом Китая в Центральной Азии и от ее укрепления или ослабления зависит будущее позиционирование Пекина в этом регионе. Так, если военно-политический и экономический потенциал организации укрепится, то влияние Китая в регионе повысится. Если ШОС не сумеет реализовать поставленные перед ней задачи, тогда у центрально-азиатских стран возникнут сомнения в мирорегулирующих способностях Пекина.

Однако потенциал "Шанхайской восьмерки" огромен. В нее входят как региональные, так и глобальные державы, имеющие макрорегулирующие амбиции. Так, Россия, Китай, Индия и Пакистан являются полноправными членами "ядерного клуба", а присоединение новых государств-наблюдателей, партнёров по диалогу и иных стран может повысить престиж организации на мировой арене. Она считается важной платформой для диалога и сотрудничества, расширения культурных связей и укрепления доверительных отношений [11].

Специфическая особенность ШОС заключается в том, что она не выступает никоим образом в качестве военного блока наподобие Североатлантического альянса, а ориентирована исключительно на обеспечение безопасности в рамках своей зоны ответственности, борьбы против "трех зол" нового столетия – терроризма, экстремизма и сепаратизма [5].

В рамках организации возникла удивительная ситуация, где Россия и Китай одновременно являются и партнерами, и конкурентами. Хотя у Москвы наблюдается больше преимуществ, чем у Пекина, Китай предпринимает серьезные меры по наращиванию своего присутствия в регионе посредством различных экономических и финансово-инвестиционных проектов. Такие шаги Пекина провоцируют

возрастание конкуренции с Россией за доступ к энергетическим ресурсам региона и его транспортно-коммуникационными возможностями [6]. Такой исход неизбежен, однако необходимо избегать соперничества как в Центральной Азии, так и внутри ШОС. Особенно, когда разрабатываются пути по сопряжению российского Евразийского экономического союза и китайского Экономического пояса "Шелкового пути".

Эксперты дают разные оценки о функциональности "Шанхайской восьмерки". Одни полагают, что организация является важным инструментом продвижения внешней политики Китая в Центральной Азии [20], другие рассматривают ее как формат многостороннего сотрудничества для обеспечения безопасности в регионе [10], третьи считают ШОС форумом для диалога между странами Центральной и Южной Азии, четвертая группа оценивает ее как неэффективную организацию, не сумевшую справиться с поставленными перед ней задачами, пятая группа экспертов воспринимает ШОС как механизм, направленный на ограничение и ослабление геополитического влияния России в Центральной Азии.

В целом благодаря Шанхайской организации сотрудничества Китаю удалось наладить тесные и систематические экономические, политические и военные контакты с государствами Центральной Азии, что позволило Пекину расширить свое присутствие в регионе и преодолеть недоверие руководящих элит центрально-азиатских стран к Китаю.

Заключение

Подводя итог, можно прийти к выводу о том, что на пространстве Центральной Азии одновременно функционируют два международных института региональной безопасности, каждый из которых имеет своего "инициатора" – Россия и Китай. Однако у России есть превосходство в этом направлении. Так, у Москвы есть и привлекательный экономический интеграционный проект, в состав которого входят почти все страны Центральной Азии – Евразийский экономический союз, и действующая военно-политическая организация – Организация Договора о коллективной безопасности. Помимо этого, из пяти стран Центральной Азии в двух находятся действующие российские военные базы. На фоне российских преимуществ, китайская инициатива Экономического пояса "Шелкового пути" и политическая структура Шанхайской организации сотрудничества могут играть только "дублирующую" роль.

Литература

1. Анохов И. В. Проект "Один пояс – один путь": гармонизация долгосрочных интересов России и Китая // И. В. Анохов, А. П. Суходолов // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 3(66). С. 89–110.
2. Богатуров А. Д. Центральная Азия: отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах: Очерки текущей политики. Вып. 4 / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, Е. Ф. Троицкий. М.: НОФМО, 2010. 104 с.
3. Бордачев Т. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества: доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай", М., 2016 / Т. Бордачев, Э. Смолл, В. Цинсун. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Гиваргизова Л. "Новый шелковый путь" должен усилить экономику // Звезда. 18.04.2017. URL: <https://zviazda.by/ru/news/20170417/1492442046-novyy-shelkovyy-put-dolzhen-usilit-ekonomiku> (дата обращения: 02.02.2024).
5. Дадабаева З.А. Киргизия и Таджикистан между Россией и Китаем // Россия и современный мир. 2015. № 3. С. 81–95.
6. Дадабаева З. Д. Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 183–193.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. от 09.12.2022) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 02.02.2024).
8. Европейская интеграция: учебник / О. Б. Александров [и др.]; под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2016. 734 с.
9. Искандаров А. Безопасность и интеграция в Центральной Азии: роль ОДКБ и ШОС // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16, № 2. С. 18–28.
10. Казанцев А. А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия:

монография. М.: МГИМО-Университет, 2008. 380 с.

11. Колдунова Е. В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. № 2(12). С. 60–69.

12. Малышева Д. Б. Центральноеазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 100 с.

13. О Содружестве // Исполнительный комитет Содружества независимых государств. URL: <https://cis.minsk.by/about-cis> (дата обращения: 24.02.2024).

14. О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <https://rus.sectesco.org/> (дата обращения: 02.02.2024).

15. "Один пояс, один путь": полный текст речи Си Цзиньпина от 19 мая 2017 // ИноСМИ.RU. 19.05.2017. URL: <https://inosmi.ru/20170519/239391693.html> (дата обращения: 24.02.2024).

16. От Договора к Организации // Организации Договора о коллективной безопасности: офиц. сайт. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 24.02.2024).

17. Попов Д.С. О проблеме расширения Шанхайской организации сотрудничества: аналит. обзор РИСИ. М.: Рос. ин-т стратег. исслед. 2010. 46 с.

18. Сереев Б.А. Китайский проект "Один пояс – Один путь": проблемы и перспективы реализации // Россия современный мир. 2018. № 3. С. 138–150.

19. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 24.02.2024).

20. Современные международные отношения: учебник / А. В. Абрамова [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. 687 с.

21. Сыроежкин К. Л. Пути и механизмы решения проблем региона ЦА. Роль и потенциал ОДКБ // Вызовы безопасности в Центральной Азии. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С.131–134.

22. Устав Организации Договора о коллективной безопасности: ратифицирован Федер. законом РФ от 26 мая 2003 года № 56-ФЗ. (с изм. на 08.11.2018 г.) // Организации Договора о коллективной безопасности: офиц. сайт. URL: <https://www.odkb-csto.org/structure/#:~:text=%> (дата обращения: 24.02.2024).

23. Чубаков И. Г. Евразийские перспективы: пять составляющих внешнеэкономического курса Китая "Один пояс, один путь" // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 45–58.

24. Financing China's One Belt, One Road: US\$8 Trillion in Capital Requirements // Silk Road Briefing. 03.04.2017. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/04/03/financing-chinas-one-belt-one-road-us8-trillion-in-capital-requirements/> (дата обращения: 24.01.2024).

25. Gross domestic product 2022 // World bank. 01.07.2023. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. Anohov I.V. The "One Belt, one Road" project: harmonization of long-term interests of Russia and China // I.V. Anohov, A.P. Suhodolov // MGIMO Review of International Relations. 2019. No 3(66). P. 89–110. (In Russ.).

2. Bogaturov A.D. Central Asia: deferred neutrality and international relations in the 2000s: Essays on current policy. Issue 4 / A.D. Bogaturov, A.S. Dundich, E.F. Troickij. M.: NOFMO, 2010. 104 p. (In Russ.).

3. Bordachev T. Russia, China and the USA in Central Asia: balance of interests and opportunities for cooperation: report of the Valdai International Discussion Club, Moscow, 2016 / T. Bordachev, E. Smoll, V. Qingsun. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (accessed data: 20.02.2024). (In Russ.).

4. Givargizova L. "New Silk Road" should strengthen the economy // Zvyazda. 18.04.2017. URL: <https://zvyazda.by/ru/news/20170417/1492442046-novyy-shelkovyy-put-dolzen-usilit-ekonomiku> (accessed 02.02.2024). (In Russ.).

5. Dadabayeva Z.A. Kyrgyzstan and Tajikistan between Russia and China // Russia and the Modern World. 2015. No 3. P. 81–95. (In Russ.).

6. Dadabayeva Z.D. Russia and security problems in Central Asia // Russia and the modern world. 2008. No 4. P. 183–193. (In Russ.).

7. The Treaty on the Eurasian Economic Union: signed in Astana on 29.05.2014 (ed. from 09.12.2022) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed 02.02.2024). (In Russ.).

8. European integration: textbook / O. V. Aleksandrov [et al]; eds. by: O. V. Butorinoj, N. Yu. Kaveshnikova. 2nd ed., ispr. and add. M.: Aspekt Press, 2018. 734 p. (In Russ.).

9. Iskandarov A. Security and integration in Central Asia: the role of the CSTO and the SCO // Central Asia and the Caucasus. 2013. Vol. 16, No 2. P. 18–28. (In Russ.).

10. Kazantsev A.A. "The Big Game" with unknown rules: world politics and Central Asia: monograph. Moscow: MGIMO-University, 2008. 380 p. (In Russ.).

11. Koldunova E.V. The role of the Shanghai Cooperation Organization in the Central Asian region: a comparative analysis of research discourses // Comparative Politics. 2013. No 2(12). P. 60–69. (In Russ.).

12. Malysheva D. B. Central Asian node of world politics. Moscow: IMEMO RAN, 2010. 100 p. (In Russ.).
13. On the Commonwealth // Executive Committee of the Commonwealth of Independent States. URL: <https://cis.minsk.by/about-cis> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
14. About the Shanghai Cooperation Organization // Shanghai Cooperation Organization: official website. URL: <https://rus.sectsc.org/> (accessed 02.02.2024). (In Russ.).
15. "One belt, one way": the full text of Xi Jinping's speech on 19.05.2017 // InoSMI.RU. 19.05.2017. URL: <https://inosmi.ru/20170519/239391693.html> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
16. From the Treaty to the Organization // Collective Security Treaty Organization: official website. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
17. Popov D. S. On the problem of expanding the Shanghai Cooperation Organization: analit. review of RISI. M.: Russian Institute of Strategy research, 2010. No 4 (27). 46 p. (In Russ.).
18. Serekov B. A. The Chinese project "One Belt, One Road": problems and prospects of implementation // Russia modern World. 2018. No 3. P. 138–150. (In Russ.).
19. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation on the conjugation of the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt dated 08.05.2015 // President of Russia: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
20. Modern international relations: textbook / eds. by: A. V. Torkunova, A. V. Malgina. M.: Aspekt Press, 2017. 687 p. (In Russ.).
21. Syroezhkin K. L. Ways and mechanisms of solving the problems of the Central Asian region. The role and potential of the CSTO // Security challenges in Central Asia. Moscow: IMEMO RAN, 2013. P. 131–134. (In Russ.).
22. Charter of the Collective Security Treaty Organization: ratified by the Feder. By the Law of the Russian Federation No. 56-FZ of 26.05.2003 (as amended on 08.11.2018) // Collective Security Treaty Organization: official website. URL: <https://www.odkb-csto.org/structure/#:~:text=%> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
23. Chubakov I. G. Eurasian perspectives: five components of China's foreign economic policy "One belt, one road" // International Analytics. 2018. No 3 (25). P. 45–58. (In Russ.).
24. Financing China's One Belt, One Road: US\$8 Trillion in Capital Requirements // Silk Road Briefing. 03.04.2017. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/04/03/financing-chinas-one-belt-one-road-us8-trillion-in-capital-requirements/> (accessed 24.01.2024).
25. Gross domestic product 2022 // World bank. 01.07.2023. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP.pdf (accessed 20.02.2024).

Бехруз Самадович САИДОВ, аспирант Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: saidov.mts.tj@gmail.com

Behruz S. SAIDOV, Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: saidov.mts.tj@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 09.04.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 20.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024